

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

ГРОТЕСК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

(Книги, выпущенные издательством «Канон+»)

Рецензии на книги:

Нольде-Лурье Наталья. Драма человека в творчестве Вадима Сидура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 208 с.;

Фрейд Зигмунд. Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.;

Мелентьева Ю.П. О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 184 с.

Аннотация. В рецензии анализируются различные гротескные обнаружения человеческого бытия, отражённые в искусстве. Основное внимание уделено книге Н. Нольде-Лурье, посвящённой творчеству крупного современного скульптора и художника Вадима Сидура. Как известно, в ваянии различаются чисто символическая пластика, круглая скульптура и рельеф. В. Сидур тяготеет к символике, с помощью которой он стремится выразить гротескность человеческого бытия. В его причудливой творческой фантазии человек и вселенское страдание соединены с инструментом, механизмом. Так воплощаются угрозы машинного мира. Даже эротика в его творчестве несёт черты гротеска. Изданный «Канон+» сборник статей З. Фрейда «Психоанализ. Религия. Культура» также представляет собой анализ определённых «скошенных» аспектов человеческого бытия. Фрейд, в частности, оценивает религию как особую форму коллективного невроза. В работе Ю.П. Мелентьевой «О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения» показана огромная роль книги в развитии цивилизации. Герман Гессе писал, что без книги нет истории. Падение книжной культуры, несомненно, негативно сказывается на человеческой ментальности, на человеческом существовании.

В рецензии использованы принципы эстетического анализа, позволяющие оценивать достижения художественной практики. Автор опирается также на методологию философской антропологии, дающую представление о сложности и противоречивости человеческой природы.

Новизна статьи обусловлена стремлением раскрыть гротескность человеческого существования на материале трёх книг, выбранных для обзора. Согласно психоанализу, ребёнок чуть ли ни с момента рождения попадает в мир абсурда, который предлагает ему культура. В ней репрессируются инстинктивные желания человека, подавляются естественные стремления, что и порождает недовольство культурой. Человеческое бытие абсурдно, поскольку реальная историческая практика не соотносится с принципами рациональности. Кроме того, и сам человек оказывается жертвой внутренних конфликтов сознательного и бессознательного, инстинктивного и культурного. Одним из проявлений «недовольства культурой» можно считать всё нарастающее устранение книги. Между тем изобретение Гуттенберга почти полтысячелетия формировало современную культуру, которая утрачивает навыки чтения и его теоретические аспекты.

Ключевые слова: поэзия, скульптура, искусство, гротеск, человеческая природа, чтение, творчество, трагедия, катарсис, личность.

Abstract. In his review Gurevich analyzes different grotesque revelations of human existence expressed in art. The review provides a thorough introduction into the book of Natalya Nolde-Lurie on the creative work of a famous modern

sculptor Vadim Sidur. As it is known, sculpture may have the form of symbolic plastics, sculpture in the round and reliefs. Vadim Sidur is more inclined to symbols which he uses to express the grotesque of human existence. His creative imagination relates human and universal suffering to an instrument or mechanism. This is how the threats of the world of machines are expressed. Even erotica has grotesque features in his creative work. Sigmund Freud's selected works 'Psychoanalysis. Religion. Culture' published by Canon+ present an analysis of different aspects of human existence, too. In particular, Freud viewed religion as a special form of collective neurosis. Yulia Melentjeva's work 'On Reading. Thoughts About Theoretical Aspects of Reading' shows a great role of books in the development of civilization. Hermann Hesse once stated that without book there was no history. Therefore, the decline of the reading culture has a certain negative influence on human mentality and human existence. In his review Gurevich has used the methods of aesthetical analysis allowing to assess achievements of arts. Gurevich also bases his research on the methodology of philosophical anthropology which allows to demonstrate a complex and contradictory human nature. The novelty of the research is caused by the fact that the researcher tries to reveal the grotesqueness of human existence based on the example of the three books selected for the review. According to psychoanalysis, nearly at birth a child faces the world of absurdity offered by culture. Instinctive desires are repressed, inherent motivation is suppressed which creates the feeling of dissatisfaction with culture. Human existence is absurd by nature because the actual history does not correspond to rationality principles. Moreover, human himself is the victim of internal conflicts between conscious and unconscious, instinct and culture. One of the forms of 'dissatisfaction with culture' is the growing elimination of books from our life. For half a century Gutenberg's invention has been creating the modern culture that loses reading skills and forgets theoretical aspects of reading.

Keywords: poetry, sculpture, art, grotesque, human nature, reading, creativity, tragedy, catharsis, personality.

Вадим Сидур – художник и скульптор, поэт и прозаик. Автор книги **Н. Нольде-Лурье «Драма человека в творчестве Вадима Сидура»** рассматривает его творчество не обособленно, а включая его творения в общий поток отечественного и европейского искусства. Сам художник в собственных строчках выразил своё кредо. Он придавлен ответственностью перед человечеством, осознает драму человеческого бытия. Однако не может предложить рецепты спасения людей. Так он сам превращается в бронзовую скульптуру, которую он называет Безмолвным Взывающим. Трудно представить более впечатляющий образ художника, который прикоснулся к гротеску человеческого существования.

Наталья Нольде-Лурье стремится рассказать о драме человека, как она воплотилась в произведениях В. Сидура [1]. Тема излома человеческой судьбы, деформации его облика – возникла в истории европейского искусства давно. Известный исследователь художественной практики Ханс Зедльмайр отмечал, как в сознании XIX и XX вв. исчез идеальный образ человека [2, с. 159]. Со времен Средневековья рождается тема умаления человека, скорбного разочарования в его предназначении. В какой мере это относится к Вадиму Сидуру? Вглядываясь в иллюстрации, которые размещены в книге, можно причислить скульптора к этой традиции. Однако, как показано в книге, Сидур менее всего стремится дискредитировать

человека, умалить его образ. Напротив, за мрачной отрешённостью проступают и радость, и просветлённость. Но эти эмоциональные состояния выражены не напрямую. В мире слишком много катастроф, мучительных коллизий и контрастов, мучений и скорби, чтобы воплощать в камне немёртвую жизнерадостность.

Вот что пишет о книге доктор искусствоведения, профессор И.Е. Светлов: «Благородство позиции Натальи Нольде как независимого художника и идущего своим путем искусствоведа обнаруживается в восприятии гуманизма этого выдающегося мастера XX в., обращённого к широкому миру и каждой отдельной личности. В опубликованных ею сборниках и журнальных статьях изложена самостоятельная концепция творчества Сидура, интересно представлены его произведения и рисунки. При её участии было проведено несколько выставок произведений художника, длительное время не имевшего возможность в советский период показывать свои работы. Книга, которую предлагает читателю издательство «Канон-Плюс», – своеобразный итог этих увлечённых поисков» [1, с. 5].

Полностью разделяя мнение профессора И.Е. Светлова, мы испытываем непреложное стремление погрузиться в мир художественных образов скульптора. Его искания начались в нашей стране. Хронологические рамки – с середины 50-х до середины 80-х гг. минувшего века. Творения этих десятилетий стали серьёзным и выдающимся достижением

всей европейской культуры. В книге прослежено превращение неизвестного художника в классика. В его творчестве нет мелкотемья. Он стремился отразить масштабные события, выразить в драматических образах исторические разломы, бедствия и катастрофы, ракурсы и грани человеческого бытия.

Однако Вадима Сидура волновали не только эпохальные события. Он мог погрузиться в страдания человека, которого война превратила в инвалида, в судьбу одинокой личности, в душевные роптания конкретного индивида. Именно такая соучастность позволяет характеризовать Сидура как художника огромного диапазона, который оставил, кроме сотен скульптур, множество живописных и графических работ, стихи и прозу. Он приобрёл огромную известность. Однако можно согласиться с автором книги, творчество его ещё недостаточно оценено.

Известный швейцарский писатель и искусствовед полагал, что каждый художник пишет «своею кровью». Вадим Сидур выразил в своём творчестве глубочайшее трагическое содержание. Он ухватил суть человеческого бытия с гротеском огромной мощи. Его творчество лишено панихидности, сумрачности. Но оно служит остережением для тех, кто опьянён безоблачным прогрессом, бездоказательно уверен в том, что за историческим поворотом человечество ждет беспечный рай. В. Сидур не брал на себя роль учёного толкователя искусства. Для него эта проблема выражалась в собственных постижениях предназначённости художника. Автор книги пишет: «Вадим Сидур – один из немногих художников, скульпторов, которому удалось сильно и бескомпромиссно прочувствовать и передать драму мира. Его искусство, полное личной боли и тревожных мыслей о человеке, достигло истинных высот драматизма» [1, с. 22].

В книге речь идёт о человеколюбии. На протяжении многих веков этот феномен оценивался как непререкаемая ценность. Гуманисты видели свою задачу в том, чтобы восславить человека. И во имя этой благородной цели предлагали различные социальные программы. Сам гуманизм при этом был огорожен розовым пунктиром. Между тем для отрезвления мысли стоит отметить, что гуманизм – тончайший, зыбкий и постоянно растворяющийся слой в толще культуры. Диктаторские режимы, загубившие миллионы людей, тоже нередко провозглашали гуманистические лозунги. Драма человеческой жизни порой доходила до предела. Творчество В. Сидура – неоспоримый пример устремлённости к человеку и ценности его жизни.

Истекший век во многом изменил научную картину мира. Преобразилась и социокультурная парадигма. Художественная практика взывала к поиску новых средств выразительности, новых приемов и способов выражения эстетического мировосприятия. Но творчество Сидура менее всего подвергается просто под желание быть оригинальным, непослушным. В книге показано, что для этого выдающегося скульптора были неприемлемы не только директивы советского искусства. Он относился экспериментально и к канонам, которые закрепились в мировой творческой практике. Здесь не годился язык застывших форм. Требовались такие приемы, которые могли отразить мощную динамику мира, который на бешеных скоростях устремился в грядущее.

«Истоки творчества Вадима Сидура, – говорится в книге, – это становление его картины мира, его концепция творчества и собственно генезис его формы и стиля, что, без сомнения, связано между собой. Если пластические формулы Сидура в значительной степени подсказаны архаическим искусством и художественным миром Древнего Востока, то вся драматургия его творчества, его эмоциональное сгущение и обострение сложились под влиянием пережитого жизненного пути, а также в силу способности подняться над этим опытом и обобщить в нем страдательную типологию современности» [1, с. 24].

Сидур отразил процесс перехода звонкого, горючего самовыражения в немоту, которая напряжённо взывает к смыслу, к его пучинам. Он говорил: «Мир без человека мне не интересен». Он стремился выразить глубину экзистенциального опыта человека, напряжённость его страстей. Именно в момент захваченности страстью, священным трепетом, катарсическим потоком человек способен явить в себе не внешнее, а глубинное, не явленное, а скрытое. Трагедийность пронизывает все творчество В. Сидура. Н. Нольде-Лурье пишет: «На первый взгляд здесь можно усмотреть противоречия. Почему же, хочется спросить, человек, считающий себя счастливым и реализовавшимся, постоянно ощущает трагедию? Как соединяются эти два противоположных понятия в мироощущении художника? Может быть, такое странное, парадоксальное сочетание счастья и трагедии объясняется двойственностью, противоречивостью характера? Двойственным, однако, скорее можно назвать время, характер же у Сидура был необычайно цельным, ему как человеку не были свойственны серьезные

противоречия, разрывавшие душу, сомнения в правильности выбранного пути. Художник всю жизнь последовательно и неуклонно проводил в искусстве свою линию» [1, с. 32].

Заметим всё же, что любая эпоха заключает в себе глубочайшие противоречия, а цельность характера вовсе не исключает внутренних коллизий. Последовательная приверженность к собственной линии в искусстве не свободна от сомнений, мучительных противостояний, личных творческих размежеваний. Человеческое бытие драматично. Оно пронизано тяжелым ощущением конечности жизни, тоской по неизбежному, стоическим мужественным противостоянием тому, что мешает воплощению замыслов. Есть еще одно свойство трагизма, о котором писал Н.А. Бердяев. Прорыв к идеальному, устремление к трансцендентному никогда не получает окончательного завершения. Отсюда вечное смятение творца, желание добраться до конечной точки и абсолютная невозможность такого прорыва. И всё же В. Сидур пытался доступными средствами передать целую гамму человеческих состояний – трагизм утрат, тревогу и страх, любовь и духовное одиночество. Это и отмечено в книге: «Произведения Сидура – одновременно и кричат и безмолвно вбирают в себя одиночество личности в этом мире. Изображаемый им человек чувствует себя одиноким и уязвимым, его мучают кошмары, опасность потерь и смерти, беспокойства и предчувствия, не поддающиеся разуму и логике. И эта необъяснимость придает особую трагичность всем болям и страхам. Во все эти мыслимые и переживаемые человеком ужасы вплетаются и физические мучения» [1, с. 37].

Нет оснований спорить с автором книги по этому поводу. Но нужно отметить еще одну особенность человеческого бытия – абсурдность. Дело не только в том, что не все поддается логическому прояснению. Драматизм в том, что логика сама участвует в функционировании абсурда. Она обслуживает нелепости, чудовищные смещения смысла, диктат парадоксов и всевластие мифологического мышления. Обращаясь к мифологии, В. Сидур наследует глубину древних преданий, кристаллизацию запечатленного в нём житейского смысла. Вместе с тем он вскрывает суть современной мифологии, оскопляющей жизнь и придающей ей пугающую машинообразность. Вот фигура человека, далеко отстоящего от купола. В этой фигуре всё уродливо: недостающие пальцы на руках и ногах, торчащий изо рта механизм, цилиндрическая голова и половой орган, вывернутый на

заднюю сторону. Так В. Сидур обозначает мощную тенденцию современного мира воспринимать человека по лекалам техники.

В противовес этой тенденции В. Сидур пытается передать в скульптурных образах священное знание, древнюю мудрость, гностическое наитие. Символы прельщают его своей строгостью и выразительностью. Искание знаково-символической выразительности взывали в его творчестве к ансамблевости. Многие его скульптуры можно оценивать как архитектурно-скульптурные комплексы, способные вписаться в природный или городской ландшафт. Особую ценность в книге приобретает поэтика поиска и эксперимента. В. Сидур тяготеет к гротеску. В истории искусства можно отыскать мощные иллюстрации гротескного искусства. Термин «гротеск» получил распространение в пятнадцатом столетии, когда при раскопках подземных помещений (гrotто) были обнаружены настенные росписи с причудливыми узорами, в которых использовались мотивы из растительной и животной жизни. Поэтому первоначально гротеском назывались искажённые изображения. В гротеске за внешним неправдоподобием, фантастичностью кроется глубокое художественное обобщение важных явлений жизни. Таков гротеск Рабле, который прибегает к немыслимым преувеличениям жизненных процессов, чтобы выразить собственную мысль. Гротесковые эффекты содержатся в зарисовках Леонардо да Винчи. Поражают трагикомические графические листы Гойи в серии «Капричос». В скульптуре первой половины XX в., как отмечает автор книги, гротеск представлен в творчестве Эрнста Барлаха. Его уродцы одновременно и забавны, и трагичны, а также обаятельны своей трогательностью. Такие французские скульпторы, как Р. Кутюрье, М. Буало и Ж. Ришье, в своём творчестве пытались умышленно лишить человеческого тело гармонии, слаженности. Можно сказать, они буквально деформировали человеческое тело, обнажая его уродливость.

Однако не следует оценивать гротеск лишь как фиксацию негативного. В нём находит выражение и положительный полюс. Гротеск в этом смысле является целостным образом. «Обратим взор к «Железным пророкам» (1971), – пишет автор книги. – Возникающий здесь сплав абсурдности и гротеска, – своеобразный взгляд на мир, на ужасы и уродство как проявление бездуховности. Эти сочинения Сидура словно созданы «второй природой»: зритель может увидеть многочисленные комбинации из труб, железных отходов, деталей – всего, что можно

было найти на свалках. Сами по себе эти сооружения из труб, радиаторов и всякого другого железа грубы и статичны, но то тут, то там из них вырисовываются руки с растопыренными пальцами, пенисы, орут пасти-утюги. Эти существа лишены не просто тени интеллекта, но и хотя бы какого-либо подобия человеческих чувств, хотя при всей своей отвратительности они человекоподобны» [1, с. 52].

Прекрасно исследованы в книге темы и мотивы в творчестве Вадима Сидура. Особое место занимает война и ее последствия. Катастрофы минувшего столетия, когда мыслящим людям казалось, что отныне невозможна ни философия, ни искусство, вызвали к реальности громкие голоса. Однако есть ли у людей возможности одолеть криком угрозы и напасти зла? На картине норвежского художника Эдварда Мунка «Крик» изображён предельно напуганный человек. Но состояние отчаяния выражено не голосовыми средствами, а позой человека, его маской, фактурой с её резкими мазками, стремительно пересекающими всю плоскость картины, контрастами кроваво-красного неба и перспективой дороги.

Автор монографии показывает, что в творчестве В. Сидура нашли отражение разные мотивы и подчас полярные состояния. Война, насилие, непомерные испытания, выпавшие на долю людей в связи с вселенской катастрофой, с одной стороны, а, с другой, шествие любви, жертвенность материнства, нежность дружбы. Касаясь графики В. Сидура, Н. Нольде-Лурье отмечает поразительное совпадение литературного и графического языков.

*Старые ржавые железные лопаты
Собранные мной на свалках мусора
Напоминают большие осенние листья,
Похожие на человеческие лица,
Несчастные в своей ненужности.*

Эти поэтические строчки В. Сидура, пожалуй, отражают характер его творчества. Действительно скульптор часто в качестве произведения искусства использует конкретные предметы быта и житейской среды. Так, в произведениях входят детали машин, труб, лопат. Сидур бережно подбирает детали техники, канализационные и водопроводные трубы, тройники и батареи. Но каждая вещь, обретенная на свалках мусора, уже перестает быть ею. Она становится фрагментом целостной картины, напоминая подчас осенние листья. Эти листья напоминают скульптору человеческие лица, трогательные в своей ненужности.

*Мертвые куклы
Выброшенные на помойки
Расплющенные
Растерзанные
Расчлененные
С выколотыми глазами
Распоротыми животами
Снова убитые
Дети Европы.*

Вот как оценивает эти художнические усилия автор монографии: «Сидур в ряде своих произведений представляет человека как существо техническое, лишённое антропоморфности, с другой стороны, – видит в каждом предмете антропоморфное начало, превращая отходы из металлолома в причудливый, абсурдный, гротескный мир человекоподобных существ» [1, с. 163].

В. Сидур – трагическая фигура в искусстве. В скульптурных композициях нередко обозначена скорбь человеческой судьбы. Она же подтверждена поэтическими строчками:

*Слабеет тело,
Меркнет разум,
Голова понять не может
Неугасимости вожделения,
Что с детства
Меня томило.*

Сборник произведений **З. Фрейда «Психоанализ. Религия. Культура»** знакомит с произведениями, которые уже известны современному читателю. Однако во многих своих смысловых поворотах работы Фрейда перекликаются с книгой о творчестве В. Сидура. Но разве австрийский психиатр не признавал очевидные достижения цивилизации? Автор предисловия А.М. Руткевич отмечает, что похвальное слово Фрейда достижениям цивилизации чуть ли не дословно совпадает со стихами Лукреция:

*Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно
доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное
статуй –
Все это людям нужда указала, и разум
был пытливый
Этому их научил в движеньи, вперед
постепенном [3].*

Однако всё творчество З. Фрейда скорее направлено на обнаружение гротескности человеческого бытия. Человек – скорее раб диких, необузданных влечений. Искусство, судя по всему, скорее своеобразная сублимация, средство избавления человека от страданий. Фрейд в работе «Недовольство культурой» упоминает поход коммунистический эксперимент, который ставится в обширной стране между Европой и Азией. Австрийский психиатр не считал людей добрыми по определению, по тайне рождения. Он не принимал также идею равенства, поскольку люди имеют разные физические и умственные способности.

Мощные разрушительные импульсы раздрают, согласно Фрейду, душу человека. Кровожадность, инцест, каннибализм не вычеркнуты из истории. «Отношение культуры к этим древнейшим импульсивным желаниям никоим образом не одинаково: лишь каннибализм представляется всеми отвергнутым и, для неаналитического рассмотрения, вполне преодоленным; силу инцестуозных желаний мы ещё можем почувствовать за соответствующим запретом; а убийство нашей культурой при определённых условиях до сих пор практикуется, даже предписывается. Возможно, ещё предстоят фазы развития, на которых удовлетворение и других, сегодня вполне допустимых, желаний будет казаться таким же неприемлемым, как сейчас каннибализм» [4, с. 31].

Фрейд считал, что чисто рациональные мотивы, которые могут возникнуть у современного человека вряд ли могут предостеречь его от страстных влечений. Он оценивает в этой связи религию как навязчивый невроз. Австрийский психиатр считал, что эта концепция помогает объяснить множество своеобразных черт и исторических перипетий. Фрейд полагал, что человечество должно освободиться от этой иллюзии, то есть от веры в Бога. Он цитирует поэму Гейне «Германия. Зимняя сказка»:

*Та старая песнь отреченья была,
Легенда о радостях неба,
Которой баюкают глупый народ,
Чтоб не просил он хлеба.
Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично,
Они тайком тянули вино,
Проповедуя воду публично.
Мы новую песнь, мы лучшую песнь,
Теперь, друзья, начинаем:
Мы небо в землю превратим,
Земля нам будет раем.*

Отметим, что изданный сборник трудов З. Фрейда снабжён научными комментариями проф. А.М. Руткевича, что, несомненно, повышает ценность данного издания, которое вписывается в серию «История психологии в памятниках».

Книга Ю.П. Мелентьевой «О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения» рассматривает этот феномен как социокультурный и цивилизационный. В самом деле многие мыслители, например, К. Маркс, А. Вебер, М. Вебер, М. Маклюэн, показали, что вхождение в мир нового средства массовой коммуникации является неизбежно цивилизационным прорывом. В последние годы появились исследования, которые свидетельствуют о том, что «информационное общество» способно разрушить человека, изменить его природу, устранить целостность индивида. Длительное пребывание в виртуальной реальности создает эффект дереализации. Человек, грубо говоря, перестаёт различать действительность и виртуальность. Такие коммуникационные технологии заставляют человека погружаться в мир абсурда. Он должен каким-то образом разместить себя в двух мирах, что и рождает «расщепленность» личности.

В рамках информационной теории современное снижение остроты шизофренических проявлений тоже легко объяснить: весь современный мир коммуникации пропитан двойными информационными посланиями, бейтсоновскими «двойными связками», как губка водою. И шизоидному типу просто легче в нем жить [см.: 5, с. 67].

«Индивидуум, человек цельный – уходит прочь, прикованный к своему образу, как к тяжёлому рюкзаку – и не его место приходит индивиду, человек многоликий». Терапии и тренинги в информационном обществе будут направлены на то, чтобы излечить личность от целостности, привести к «контролируемому расслоению личности», одновременно развивая способность к коммуникациям на базе социального (читай – эмоционального) интеллекта – вот как пишут шведы Бард и Зодерквист в книге «Нетократия». И так, шизоидность – это идеал для успеха в информационном обществе нетократического типа, его основа и эффективность, новая способность, которую будут прививать шизоаналитики и шизотренеры [5].

Французский постмодернист Жан Бодрийяр в книге «Прозрачность зла» отмечает, что коммуникация предстает перед нами как нечто наиболее социальное, это социальность, приводимая в движе-

ние техникой социального [6, с. 21]. По его словам, коммуникация, упрощая «интерфейс», ведёт социальную форму к безразличию. Именно поэтому, как он считает, не существует утопии коммуникации. Действительно, утопия коммуникационного общества лишена смысла, потому что коммуникация является результатом неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям. Это относится и к информации: избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим.

«Интерфейс подключает собеседников друг к другу, – пишет Ж. Бодрийяр, – как штекер к электрической розетке. Коммуникация осуществляется путём единого мгновенного цикла, и для того, чтобы всё было хорошо, необходим темп – времени для тишины не остаётся. Тишина изгнана с экранов, изгнана из коммуникации. Изображения, поставляемые средствами массовой информации (а тексты подобны изображениям), никогда не умолкают: изображения сообщений должны следовать друг за другом без перерыва. Молчание – разрыв замкнутой линии, легкой катастрофой, оплошностью, которая по телевидению, например, становится весьма показательной, ибо это – нарушение, полное и тревоги, и ликования, подтверждающее, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты – и не только от пустоты экрана, но и от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделением ждём изображения» [6, с. 21].

На самом деле, образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии XX века.

В монографии Ю.П. Мелентьевой мы возвращаемся в традиционную книжную культуру. Она рассматривает различные концепции возникновения чтения, выявляет сущность чтения, его эволюцию, революционные изменения в практиках чтения в различные эпохи. Значительное внимание уделяется анализу целей, мотивов, различных модификация чтения (учебного, учёного, семейного и др.). В книге показано не только становление русского читателя, но и формирование культуры чтения как части книжной культуры России. Сам процесс чтения таит в себе множество тайн и неожиданных приключений. Оказывается, в эпоху Средневековья люди не обладали

ещё способностью читать текст «про себя», без его оглашения. В рецензируемой книге чтение рассматривается как сакральный феномен. Эксперты указывают на божественное происхождение этого явления. Ю.П. Мелентьева пишет: «Чтение воспринимается как оборотная сторона письменности, которая в различных цивилизациях рассматривалась как дар богов (и/или их «представителей») людям: в Египте это был Бог Тот; в еврейской традиции изобретателем письменности считается Моисей, через которого Бог передавал свою волю людям; греки приписывали создание алфавита богам и мифическим персонажам, обладающим способностями выше человеческих: Зевсу, Гермесу, Прометею, Музам; на Востоке (Китай, Япония, Индия) изобретение письменности связывается с именами легендарных Божественных императоров» [7, с. 12].

В работе Ю.П. Мелентьевой даётся представление о сущности чтения как феномена; об изменениях самого процесса чтения в различные эпохи (чтение вслух, чтение про себя, чтение с экрана) в разных странах, и прежде всего в России; об особенностях чтения как интеллектуальной деятельности; об основных практиках и приемах чтения, а также о характере современного чтения некоторых групп российских читателей. Значительное внимание уделено проблеме чтения как средства развития и социализации личности, а также анализу практики привлечения к чтению нечитающих групп населения в России и других странах.

Люди наших дней вряд ли могут представить себе жизнь без компьютеров и Интернета. Почти каждый день нас извещают о новых гаджетах, которые во многом определяют все формы человеческой деятельности в наши дни. Однако многие исследователи выражают тревогу по поводу утраты феномена чтения. В социальных сетях наибольшей популярностью пользуются сообщения с картинками. А. Яковлева пишет: «Развитие корковых функций головного мозга формирует способность к превращению символа или знака в образ. А утрата интереса к чтению связана с затруднениями или невозможностью построить образ на основе написанного слова, и это рождает ощущение бессмысленности самого чтения» [8].

Новые книги издательства «Канон+» отражают актуальные потребности читающей публики. Они рассчитаны не только на специалистов, но и на массового читателя, которому не безразличны судьбы современной культуры.

Список литературы:

1. Нольде-Лурье Наталья. Драма человека в творчестве Вадима Сидура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 208 с.
2. Зедльмайр Ханс. Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света. М.: Территория будущего; Прогресс-Традиция, 2008. 638 с.
3. Лукреций. О природе вещей. V. 1440-1450.
4. Фрейд Зигмунд. Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
5. Власов Евгений. Шизофрения // Популярная психология. 2005. № 10.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. 2-ое изд. М.: Добросвет: Изд-во «КДУ», 2006. 257 с.
7. Мелентьева Ю.П. О чтении. Размышления о теоретических аспектах чтения. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 184 с.
8. Яковлева Анна. «Человек монитора». От клипового мышления к мифологическому // Литературная газета. 2015. 15 апреля.
9. Адлер Мортимер. Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 344 с.
10. Веселовский Александр. Избранное: На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. 688 с.
11. Голосовкер Яков. Избранное: Логика мифа. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2010. 496 с.
12. Исследования чтения и грамотности в Психологическом институте за 100 лет: хрестоматия / Под ред. Н.Л. Карповой, Г.Г. Граник, М.К. Кабардова. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2013. 432 с.
13. Пранцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения: теория и практика: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2013. 368 с.
14. Рубакин Николай Александрович: хрестоматия / Авт.-сост. В.А. Бородин, С.М. Бородин. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014. 424 с., ил. (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря. Серия 2. Вып. 1-2)
15. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.
16. Шюккинг Л. Социология литературного вкуса / Пер. с нем. Б.Я. Геймана и Н.Я. Берковского. Под ред. проф. В.М. Жирмунского. М.: Книга по требованию, 2013. (Репринт изд. Л.: Academia, 1928). 180 с.

References (transliteration):

1. Nol'de-Lur'e Natal'ya. Drama cheloveka v tvorchestve Vadima Sidura. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 208 s.
2. Zedl'mair Khans. Utrata serediny. Revolyutsiya sovremennogo iskusstva. Smert' sveta. M.: Territoriya budushchego; Progress-Traditsiya, 2008. 638 s.
3. Lukretsii. O prirode veshchei. V. 1440-1450.
4. Freid Zigmund. Psikhooanaliz. Religiya. Kul'tura / Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevicha. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 368 s.
5. Vlasov Evgenii. Shizofreniya // Populyarnaya psikhologiya. 2005. № 10.
6. Bodriiyar Zh. Prozhrachnost' zla / Per. s fr. L. Lyubarskoi i E. Markovskoi. 2-oe izd. M.: Dobrosvet: Izd-vo «KDU», 2006. 257 s.
7. Melent'eva Yu.P. O chtenii. Razmyshleniya o teoreticheskikh aspektakh chteniya. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. 184 s.
8. Yakovleva Anna. «Chelovek monitora». Ot klipovogo myshleniya k mifologicheskomu // Literaturnaya gazeta. 2015. 15 aprelya.
9. Adler Mortimer. Kak chitat' knigi. Rukovodstvo po chteniyu velikikh proizvedenii. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2011. 344 s.
10. Veselovskii Aleksandr. Izbrannoe: Na puti k istoricheskoi poetike. M.: Avtokniga, 2010. 688 s.
11. Golosovker Yakov. Izbrannoe: Logika mifa. M.-SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2010. 496 s.
12. Issledovaniya chteniya i gramotnosti v Psikhologicheskome institute za 100 let: khrestomatiya / Pod red. N.L. Karpovoi, G.G. Granik, M.K. Kabardova. M.: Russkaya shkol'naya bibliotchnaya assotsiatsiya, 2013. 432 s.
13. Prantsova G.V., Romanicheva E.S. Sovremennye strategii chteniya: teoriya i praktika: uchebnoe posobie. M.: FORUM, 2013. 368 s.
14. Rubakin Nikolai Aleksandrovich: khrestomatiya / Avt.-sost. V.A. Borodina, S.M. Borodin. M.: Russkaya shkol'naya bibliotchnaya assotsiatsiya, 2014. 424 s., il. (Professional'naya biblioteka shkol'nogo bibliotekarya. Seriya 2. Vyp. 1-2).
15. Smoll G., Vorgan G. Mozg onlain. Chelovek v epokhu Interneta. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2011. 352 s.
16. Shyukking L. Sotsiologiya literaturnogo vkusa / Per. s nem. B.Ya. Geimana i N.Ya. Berkovskogo. Pod red. prof. V.M. Zhirmunskogo. M.: Kniga po trebovaniyu, 2013. (Reprint izd. L.: Academia, 1928). 180 s.